

Пантелей

Пантелей-валыглаз (*а повидай, что значит*), ну, он жил вдвоем, оны жили с матерью. Скаже:

— Мати, я пойду в лес дров рубить (*он так мать зовёт*). И пошел. Шел, шел, дошел до гумна, там мужик молотил, так овин чистит. Он говорит, что «Бог помочь! Дай тебе, Господи, напёрсткамы мерить, малёнками домой носить».

Мужик вышел за ворота, да его бил, бил, бил, ну он домой пошел со слезами к матери.

— Мати! — скаже. — Мене били.

— За что тебе били?

— А я пришел в гумно, мужик овин чистит, сказал: «Дай тебе, Господи, напёрсткамы мерить, а малёнками домой носить».

— Ой ты шальный, ты сказал бы: «Дай тебе, Господи, малёнками мерить, а мешкамы домой носить».

— А, мати, я же и пойду.

Снова в лес, вишь, походит. Ну, да опеть и пошел. Попадается мужик, едет с дровамы. Он мужику говорит:

— Дай тебе, Господи, малёнками мерить, а мешкамы домой носить.

Ну, мужик опеть его выбил, ну, опеть и пошел к матери со слезами

— Мати! Мене били.

— За что тебе били?

— А я сказал мужику, который с дровамы едя: «Дай тебе, Господи, малёнками мерить, а мешкамы домой носить».

— Ой ты шальный, ты бы сказал: «Дай тебе, Господи, возамы возить, дома кóстром класть».

— А мати, я же пойду.

Попадается ему — покойника везут, он говорит, что «дай вам, Господи, возамы возить, а дома кóстром класть». Его опеть и выбили. Ён и пошел опеть к матери со слезамы. Мать ему говорит:

— Ой ты шальний, ты бы сказал: «Упокой, Господи, помяни, Господи».

Ён и пошел опеть. Попадается ему свадьба встречу. Он и рычит:

— Упокой, Господи, помяни, Господи.

Ну, его опеть и выбили.

Он и пошел к матери со слезамы. Пришел, скаже:

— Мати, мене били.

— За что тебе били?

— Я сказал, что упокой, Господи, помяни, Господи.

— Ой ты шальний, ты бы рычал: «Что князю молодому, княгине молодой. Ну, ладно, не знаешь говорить, так живи дома, — мать-то скаже.

Ну, ночевал дома, ночь проспал, утром выстал, матери и говорит:

— Мати, сходи, выпроси какую-нибудь лошаде́нку, худая или хорошая, худая так...

Мать сходила и выпросила.

— Мати, выпрось-ка мни какое-нибудь топорёнку.

Ну, и оправила в лес, поехал за дровамы и съехал в лес. Ехал, ехал, увидел деревину толстую. На деревине сук толстый, он и выстал на деревину, сел на сук, — на котором суку сидит, тот и рубит. Еде тоже мужик по дороге, лежит на дровнях, ему и говорит:

— Ой ты шальний, Ивашко, на котором суку сидишь, тот и рубишь. Рубишь, рубишь да отрубишь, на зень и падешь с суком.

Он отвечает:

— Ну, натущаешь (*наговаришь*), что я паду: я достану тебе и у тебе голову и отсеку.

Мужик мимо проехал, а он отрубил, да на зень с суком и пал, да скочил, ну мужика догнать, а мужик ляжит на дровнях. Он догнал и топором голову отсек. Ну, да кинул на свои дровни, на дровни на свои кинул да повез домой, не нужно и дрова. Домой приехал, сам говорит:

— Мати, я у суседа голову отсек.

— Ой ты шальный, — мать скаже. — А гди голова? — мать скаже.

Голову в избу и принес. Мать взяла да снесла в подпол, на завалины клала. Ну, а там робята у суседа вопят (*по-деревеньски, пусть уж: вопят*), бегают, вопят:

— Кто буде у нашего батюшка голову отсек?

Он скаже:

— Робята, робята, а я!

Робята побежали к начальству, взяли там старосту да старшину да привели туда к йим.

— Ну, Ивашко, скажи, ты голову у суседа отсек?

Он говорит, что я, не отпирается, а у матери на тую пору прилажена свинья палёна. Начальство-то и говорит:

— Поди же принеси голову.

Ён в подпол сбегал да... у матери голова убрана и на то место положена свинья палёная с рогамы, а он за рога-то хватил в подполье да в избу и несёт.

— Робята, робята, были ли у вашего батюшка рожка?

Ну, староста да... видя, что тут дело... у матери сделано, ему и говорят:

— Ты как инный раз, что хошь сделаешь, матери не сказывай, нам сказывай.

Ну, он и говорит:

— Ну, ладно.

Ну, на инный день пошел в лес опеть. Попалось ему там золота много, денег. Он взял, наклал этого золота в портки (*в портки — по-деревеньски подштанники, по-хорошему сказать*), в тую соплю и другую, но аща всё не входит. Ну, там не знаю куды остатки маленько обрал, кинул на плечо да понёс домой. Пришел домой, к ступеням да и хрястнул о тятиву (*боковыя стороны*) и сам побежал к начальству, а портки у ступеней оставил. Прибежал:

— Робята, я много денег нашел, пойтя-тко скорея.

Ну, он впереди бежит, они вслед, а мать той пору слышала, что он о ступени хрястнул, или побежал, деньги сбавила и вытрясла с портков, а туды наклала кирпичёв. Они прибежали, а там уж и денег нету, а он прибежал сам и говорит (*у его рубаха да портки были скинуты*):

— Робята, робята, была два, стала три!

У ей кирпичёв тут в сопли напихано, тут и рубаха лежала, да и в рубаху напихала. Оны прибежали да ему и говорят:

— Ну, смотри всегда матери сказывай, а нам больше не сказывай (*омманил их, так...*) И болше нету.

(Зап. в 1906 г. от молодой женщины в Великой Губе Петрозаводского уезда Олонецкой губ.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.